

Научная статья

УДК 159.9.072.43:316.62

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>

Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи

Раиль М. Шамяионов¹ ✉, Елена Е. Бочарова², Егор В. Невский³

^{1, 2, 3} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

✉ shamionov@mail.ru

Аннотация

Введение. Жизненные ориентации и социальная идентичность являются регуляторами социального поведения человека. Выявление их специфики применительно к различным формам социальной активности позволит уяснить роль жизненных ориентаций и идентичности в предпочтении конкретных видов активности. Цель исследования – в изучении характера соотношений жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи. Впервые установлен удельный вес идентичности и жизненных ориентаций в вариациях приверженности к различным видам активности. **Методы.** В исследовании приняли участие 500 жителей России в возрасте от 16 до 35 лет ($M = 21,6$; $SD = 5,6$) обоего пола (мужчин 35,5 %, женщин 64,5 %). Для оценки субъект-объектных ориентаций личности применен «Опросник жизненных ориентаций», для определения характеристик социальной идентичности использованы идентификационные категории с прямым шкалированием, приверженность к различным формам социальной активности оценивалась на основе авторской анкеты. **Результаты.** Наиболее выражены приверженность молодежи к досуговой и интернет-социальной активности. Установлены связи между гражданской, протестной и досуговой социальной активностью и жизненной ориентацией по типу трансситуативной подвижности. Активность в реальной среде связана с трансситуативным локусом контроля и подвижностью (положительно) и трансситуативным освоением мира (отрицательно). Категории социальной идентичности объясняют от 12 до 36 % вариации различных видов социальной активности. **Обсуждение результатов.** Показатели жизненных ориентаций и категории социальной идентичности тесно связаны с гражданской, протестной и досуговой активностью. Категории социальной идентичности играют существенную роль в приверженности к социальной активности: «патриоты» – гражданской, «оппозиционеры» – к протестной, «активные» к досуговой, и «молодежь» к интернет-сетевой активности. Гражданская и протестная формы активности отличаются связью с активностью в реальной и виртуальной среде, в то время как досуговая и интернет-сетевая связаны с активностью и в виртуальной, и в реальной среде.

Ключевые слова

личность, социальная активность, жизненные ориентации, социальная идентичность, реальная среда, виртуальная среда, гражданская активность, протестная активность, сетевая активность, досуговая активность

Основные положения

- стремление молодежи к жизненным переменам связано с приверженностью к гражданской, протестной и досуговой активности;
- приверженность к гражданской активности сопряжена со склонностью проявлять ее в реальной среде, приверженность к протестной активности – в виртуальной среде;
- отдельные идентификационные категории обладают различным потенциалом в объяснении степени приверженности к видам социальной активности; наиболее сильна роль категорий «патриоты», «молодежь», «оппозиционеры», «активные».

Для цитирования

Шамяионов, Р. М., Бочарова, Е. Е. и Невский, Е. В. (2021). Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(4), 91–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>

Введение

Ключевые изменения современной социальной реальности, произошедшие за последние десятилетия, характеризуются усилением разнонаправленных тенденций. Исследователи отмечают, что в наряду с глобализацией происходит и глокализация (Бауман, 2008; Лебедев, 2018; и др.), объективная (экономическая, политическая, социальная и др.), субъективная (психологическая) поляризация сопровождается интеграцией (Воловикова и др., 2009; Лебедев, 2018; Юревич, 2014; Shepherd & Lane, 2019; и др.). В то же время тотальная информатизация и цифровизация задают в целом новую диалектику соотношения социального и личностного, в том числе, в проекции на самоопределение (Акопов, 2014; и др.) и самореализацию (Нестик и Журавлев, 2018; Николаева, Акопов и Абушик, 2021; Stornaiuolo, 2017; и др.). Вызовы и риски «текущей современности» актуализируют необходимость поиска «жизненной стратегии развития общества» (Бауман, 2008), потенциал которой может обеспечить перспективы его устойчивого развития.

В этом контексте особое значение приобретает разработка проблемы соотношения социальной идентичности, жизненных ориентаций и социальной активности российской молодежи. Социальная идентичность и жизненные ориентации относятся к двум важнейшим линиям социализации личности – включению в сообщество и установлению своей субъектности. Анализ этих явлений в контексте социальной активности позволит уточнить их роль в приверженности к различным ее формам, установить, в какой степени идентификация с социальными группами (и какими группами) в большей мере способствует актуализации той или иной формы активности.

В контексте социальной активности социальная идентичность как приверженность индивида к какой-либо социальной общности, группе характеризуется наличием объяснительного потенциала, позволяющего не только зафиксировать «историю» развития субъекта

жизнедеятельности, но и его ориентации в «текущей современности», его причастность к ее творческому преобразованию. Творческое преобразование социальной реальности, реализуемой в инициативной деятельности субъекта, имеющей социально-значимую направленность, согласно многочисленным данным предпринятых нами и ряда других авторов исследований (Арендачук, 2020; Бочарова, 2018; Страдзе, 2017; Шамяионов, 2018; и др.), определяется как социальная активность. При этом существенным является уточнение меры субъектной включенности и собственного творчества в сферах своей социальной жизнедеятельности, которая определяется не только жизненными обстоятельствами, но и субъектом жизнедеятельности (Леонтьев, 2019).

Идентификационная матрица социальной идентичности может быть представлена параметрами, отражающими тождественность сообразно устойчивым (к примеру, этническая, социокультурная, семейная, религиозная идентичность и т. д.) и транзитивным (к примеру, интернет-сетевая, виртуальная, цифровая идентичность, COVID-нигилисты и т. д.) трендам социального самоопределения. Значимым является то, что приверженность к тем или иным группам, отражая разные варианты социальной отнесенности, определяется как действие в системе целей и мотивов субъекта самоидентификации (Parsons & Shils, 1962; Spears, 2011; Carr, 2021).

Феноменология идентификационных оснований социальной активности как механизма социального самоопределения настолько многоаспектна, что она по-прежнему входит в число актуальных проблем и рассматривается в самых разных контекстах. В числе современных работ в данной области можно отметить исследования, посвященные изучению кросс-культурных параметров социальной идентификации и их роли в расширении/ограничении диапазона сфер приложения социальной активности (Бочарова, 2012; Лебедева и Татарко, 2009; Akkuş, Postmes, Stroebe, & Baray, 2020; Ashrafi, Mohseni, & Shiri, 2020; и др.), взаимосвязи различных видов социальной идентичности и ее актуализации в конкретной деятельности социально значимой направленности (Stradze, Kasyanov, Kumykov, & Kirik, 2016; Osborne, Jost, Becker, Badaan, & Sibley, 2019; и др.), социально-динамических (Арендачук, 2020; Шамяионов и др., 2020; Braun-Lewensohn, 2016; Шамяионов, 2020; и др.), половозрастных (Арендачук, 2020; Дьяченко, Коваленко, Тихоновскова и Грибанов, 2019; Селезнева и Зиненко, 2020; Klenova, 2019; и др.), уровневых параметров (Гальченко, 2019; Муращенкова, 2013; и др.) социальной идентификации с фиксацией их выраженности в «локальных» или сочетанных формах социальной активности, «транзитивных» переменных идентификационной матрицы (интернет-сетевая, виртуальная, цифровая идентичность, COVID-нигилисты и др.) и эффектов их проявления в формах интернет-активности (Голубева, 2020; Шаров, 2019; Korostelina, 2007; Shepherd & Lane, 2019; Stornaiuolo, 2017; Stornaiuolo & Thomas, 2017; Yusof, Kaur, Dalib, Ramli, & Awang-Hashim, 2021; и др.).

Наряду с повышенным интересом к изучению идентификационных оснований социальной активности предпринимаются попытки описания жизненных ориентаций личности в контексте преобразования социальной действительности (Грачев, 2008; Зубок и Чупров, 2020; Hitlin & Salisbury, 2013; Kruczek & Janicka, 2019; и др.). Согласно данным Коржовой (2006), жизненные ориентации следует понимать как общие субъект-объектные ориентации, характеризующие направление реализации потенциала субъектности в жизненных ситуациях или жизненных событиях и отражающие меру субъектной вовлеченности (или включенности) в жизненные события.

Значительную роль в развертывании деятельности социально значимой направленности играют жизненные ориентации личности, группы, поскольку всякое воздействие на систему социальных связей и отношений требует принятия определенного решения (Страдзе, 2017; Зубок и Чупров, 2020) и, следовательно, включает в себя процессы преобразования, мобилизации субъекта, построения определенной стратегии деятельности на основании усвоения социального опыта.

Между тем данные ряда исследований свидетельствуют о ситуативном и транситуативном проявлении жизненных ориентаций в актуализации различных форм социальной активности. Описывая специфику социальной активности российского населения, А. Э. Страдзе и его коллеги отмечают ее «ситуативную реактивность социальными интересами», кратковременный мобилизующий характер, причиной которого является отсутствие стабильного «социально-ценностного базиса» (Stradze et al., 2016; Страдзе, 2017).

Интересные данные представлены в исследовании Szafraniec (2019), предпринявшей изучение жизненных ориентаций и тенденций их проявления в формах активности на выборке молодежи разных стран (Германия, Польша, Россия). Жизненные ориентации молодых россиян характеризуются в большей мере как «быть, чтобы что-то значить» или в интерпретации автора исследования – «амбициозные, активные и успешные люди», активность которых реализуется, преимущественно, в деятельности экономической и профессиональной направленности. Примечательно, что представители польской молодежи склонны демонстрировать потребительскую ориентацию («иметь», или «ориентация на обладание») или, как отмечает исследователь, – ничего не делать со своими собственными стремлениями, в отличие от немецкой молодежи, жизненные ориентации которой определяются как «быть и иметь». Резюмируя полученные результаты исследования, Szafraniec (2019), заключает, что сегодня происходит существенная переориентация молодежи с «нас» на «Я», объяснение которой кроется в процессах индивидуализации, перенесенных в пространство социализации волной глобальных влияний, а также в «дистанцировании» государства от прежних форм гарантий и поддержки.

Результаты исследования жизненных ориентаций, проведенного Hitlin & Salisbury (2013) на выборке американских студентов колледжа, свидетельствуют о совмещении ориентаций на «обладание» и «бытие», эффект проявления которого наблюдается в форме политической активности.

Принимая во внимание накопленный фактологический материал, можно констатировать некоторую «асимметрию» исследовательского интереса, выраженность которого наблюдается, преимущественно, в области социальной идентичности и социальной активности, в меньшей мере – в области жизненных ориентаций и социальной активности, и его отсутствие в изучении соотношения жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности как российских, так зарубежных ученых. Полагаем, что восполнение этого пробела существенно расширит научное знание о феноменологии социальной активности и форм ее проявления у представителей молодежи, от которых зависят перспективы развития современного общества.

Цель данного исследования – изучить характер соотношений жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи.

Гипотеза: имеется специфика взаимосвязей выраженности отдельных видов социальной активности и жизненных ориентаций и характеристик социальной идентичности.

H1. Социальная активность связана со стремлением молодежи к жизненным ориентациям на перемены и событийной насыщенности без однозначной ориентации на познание.

H2. Социальная активность в физической среде имеет продолжение в интернет-среде, но выраженность разных видов социальной активности в них неодинакова.

H3. Сочетание идентификаций с различными группами вносит значимый вклад в приверженность к отдельным видам социальной активности молодежи.

Задачи:

- 1) проанализировать взаимосвязи между жизненными ориентациями и видами социальной активности в реальной и виртуальной среде;
- 2) изучить особенности идентификации молодежи с различными группами в условиях реализации определенных видов социальной активности;
- 3) зафиксировать особенности идентификации молодежи с различными группами в условиях реализации определенных видов социальной активности в реальной и виртуальной среде.

Методы

Выборку исследования составили 500 жителей России, проживающих по преимуществу в провинциальных городах и поселках, в возрасте от 16 до 35 лет ($M = 21,6$; $SD = 5,6$) обоего пола (мужчин 35,5 %, женщин 64,5 %). Проживающие в селе – 11,2 %; малом городе – 25,7 %, большом городе – 57,9 %, мегаполисе – 5,2 %. Выборка отличается достаточной разнородностью, вместе с тем ее структура условно отражает разновозрастные группы молодежи. Отметим, что возрастные границы молодости разными авторами определяются в разных промежутках возрастного развития. Так, согласно Квинн (2000), это период от 18 до 40 лет, Крайг (2000) включает молодость в раннюю зрелость (20–40 лет). Условно определяя молодость в пределах от 16 до 35 лет, необходимо иметь в виду, что «молодежь» – понятие не столько возрастное, сколько социальное и историческое.

Выборка формировалась простым рандомизированным отбором.

Таблица 1

Состав выборки ($n = 500$)

	Мужчины (N = 177)	Женщины (N = 323)
Возраст		
Лет	20,8 ± 4,1	22,1 ± 6,2
Место жительства		
Село	10,7	11,8
Малый город	27,0	25,1
Большой город	55,1	59,1
Мегаполис	7,3	4,0

Таблица 1 Состав выборки (n = 500)		
	Мужчины (N = 177)	Женщины (N = 323)
Образование		
Общее среднее	1,7	2,8
Полное среднее	75,7	55,9
Среднее профессиональное	14,1	22,4
Бакалавриат	6,2	11,2
Магистратура	2,8	7,8

Проведение исследований базируется на методологических принципах системно-диахронического подхода (Шамионов, 2019), в соответствии с которым социальная активность личности рассматривается как системное образование, как система со встроенным метасистемным уровнем социальной действительности, характеризующаяся нелинейной динамикой, обусловленной диахронией ее внутренних и внешних инстанций. В соответствии с данным подходом, разные формы и виды социальной активности могут обуславливаться разными социально-психологическими характеристиками и внешними условиями их реализации. Выявление специфики такой детерминации (с помощью корреляционного, регрессионного анализов) будет способствовать прогнозированию направления активности, а также ее психологических эффектов по принципу обратной связи.

Для определения характеристик социальной идентичности нами разработаны шкалы на основе пилотажного исследования, в котором приняли участие 30 студентов дневного отделения Саратовского университета и 3 специалиста-психолога, имеющих опыт исследований социальной идентичности. Студентам задавался открытый вопрос: «К каким группам Вы себя относите, членом каких групп Вы себя считаете?» Специалисты-психологи оценили степень близости полученных категорий (наиболее близкие были объединены в одну категорию). В результате отбора основных категорий идентичности получен список из 12 групп (активные, атеисты, идейные, молодежь, неформалы, нормальные, оппозиционеры, патриоты, партийные, семья, скучающие, юзеры), которые далее использованы для шкалирования (с размерностью 5 баллов). Оценка психометрических характеристик шкал проведена с использованием стандартных процедур: нормальность распределения оценена с помощью метода Холмогорова – Смирнова, внутренняя согласованность – альфа Кронбаха, корреляционный анализ – по методу Пирсона.

Для определения степени приверженности к различным формам социальной активности применена анкета, включающая 12 шкал, содержательно описывающих формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) (Р. М. Шамяионов, И. В. Арндачук, Е. Е. Бочарова, М. В. Григорьева и др.) (Шамяионов и др., 2020), перечень которых уточнен и дополнен для проведения исследования 6-ю шкалами (спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, интернет-поисковая, профессиональная). Респондентам предлагалось оценить свою активность в реальной и виртуальной среде по 5-балльной шкале Лайкерта (от min – 1 «практически никогда» до max – 5 «постоянно»). Проведенный психометрический анализ показал, что генерализованная шкала активности приемлемо согласована при удалении пункта, альфа Кронбаха = 0,82–0,84. Необходимо отметить, что данная шкала не исчерпывает всех видов активности, в которых принимают участие молодые люди, но охватывает большинство форм, выделяемых молодежью в ассоциативных экспериментах (Шамяионов и др., 2020).

Последующая факторизация полученных данных позволила выделить «новые» переменные – виды социальной активности: гражданской (Гра), протестной (Пра), интернет-сетевой (Инта) и досуговой активности (ДосА). Среднее значение выраженности всех форм социальной активности соответствует интегральному показателю социальной активности (ИСА). Новые шкалы показали также приемлемый уровень внутренней согласованности в диапазоне альфа Кронбаха = 0,70–0,79.

Для оценки субъект-объектных ориентаций личности применен «Опросник жизненных ориентаций» (Коржова, 2006), включающий шкалы: общий показатель субъект-объектных ориентаций (субъектная ориентация / объектная ориентация), трансситуационная изменчивость (стремление к самоизменениям / стабильность), трансситуационный локус контроля (внутренний/внешний), трансситуационное освоение мира (стремление к внутреннему росту, самосовершенствованию / стремление к самоосуществлению во внешнем мире), трансситуационная подвижность (стремление к новизне / к привычному, инертность), трансситуационное творчество (преобразование/приспособление). Опросник представляет собой 21 пару самооценочных утверждений, из которых респондент должен выбрать одно, наиболее близкое ему.

Опрос респондентов проводился в режиме онлайн с использованием Google Форм, без контакта с интервьюером. Среднее время заполнения опросника составило 30 минут. Исследование было анонимным и добровольным.

Первичные данные исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика, корреляционный анализ (*r-Pearson*), множественный регрессионный анализ (*шаговый метод*). Статистическая обработка осуществлялась с применением статистического программного комплекса IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO.

Результаты

Обратимся к данным, отражающим средние показатели активности, жизненные ориентации и их взаимосвязи.

Таблица 2
 Описательные статистики и корреляции выраженности видов активности и жизненных ориентаций
 (n = 500)

Активность / Ориентации	M	SD	Гра	Пра	ДосА	ИнтА	ИСА	РСр	ВСр
Гражданская	2,39	0,81	1	0,50**	0,48**	0,21**	0,85**	0,17**	-0,06
Протестная	1,66	0,81	0,50**	1	0,13**	0,17**	0,60**	-0,10*	0,10*
Досуговая	3,47	0,78	0,48**	0,13**	1	0,31**	0,69**	0,35**	0,03
Интернет-сетевая	3,48	1,12	0,21**	0,17**	0,31**	1	0,51**	0,13**	0,47**
Интегральный показатель	2,73	0,61	0,85**	0,60**	0,69**	0,51**	1	0,31**	0,18**
В реальной среде	3,76	1,15	0,22**	-0,02	0,41**	0,21**	0,32**	0,11*	0,31**
В виртуальной среде	3,46	1,17	0,01	0,11*	0,11*	0,45**	0,20**	1	0,18**
Трансситуативная изменчивость	4,09	1,54	0,07	0,04	-0,03	0,03	0,06	0,00	0,03
Трансситуативный локус контроля	3,15	1,40	0,03	0,01	0,02	-0,05	0,03	0,13**	-0,03
Трансситуативное освоение мира	2,65	1,45	-0,02	0,03	-0,18**	-0,07	-0,07	-0,15**	0,04
Трансситуативная подвижность	2,96	1,42	0,15**	0,17**	0,16**	0,049	0,24**	0,12**	0,07
S-O ориентации – общий показатель	9,51	2,40	0,04	0,08	-0,03	-0,06	0,04	0,04	0,03

Примечание: приняты следующие обозначения значимости корреляций – * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; обозначения столбцов – M – средняя, SD – стандартное отклонение, Гра – гражданская, Пра – протестная, ДосА – досуговая, ИнтА – интернет-сетевая активности, ИСА – интегральный показатель социальной активности, РСр – реальная среда, ВСр – виртуальная среда.

Из таблицы 2 видно, что досуговая и интернет-сетевая активность являются наиболее выраженными у молодежи. Вместе с тем показатели критерия Стьюдента ($t = 0,064$; $p = 0,222$) свидетельствуют о сходстве средних величин. Также близки по значению показатели приверженности к активности в виртуальной и реальной среде, хотя имеется значимое различие средних величин ($t = 4,34$; $p = 0,004$).

В результате корреляционного анализа установлены положительные слабые связи между гражданской, протестной и досуговой социальной активностью и жизненной ориентацией по типу трансситуативной подвижности. Приверженность к досуговой активности сопряжена

с жизненной ориентацией на транситуативное освоение мира (слабая отрицательная связь). Кроме того, активность в реальной среде связана с транситуативным локусом контроля и подвижностью (слабо положительно) и транситуативным освоением мира (слабо отрицательно).

Умеренно положительные связи выявлены между интегральным показателем активности и транситуативной подвижностью, а также предпочтением активности в реальной среде.

Таблица 3

Категории идентичности как предикторы социальной активности молодежи ($n = 500$)

Категории идентичности	Бета	t	p	ΔR^2
Гражданская активность				
Патриоты	0,28	7,11	0,00	0,20
Партийные	0,23	5,56	0,00	0,09
Активные	0,17	4,48	0,00	0,04
Идейные	0,15	3,75	0,00	0,02
Атеисты	-0,12	-2,95	0,00	0,01
Неформалы	0,09	2,22	0,03	0,004
$F = 46,90, p < 0,001; R^2 = 0,36$				
Протестная активность				
Оппозиционеры	0,28	6,55	0,00	0,23
Партийные	0,26	6,23	0,00	0,09
Неформалы	0,14	3,28	0,00	0,02
Идейные	0,14	3,63	0,00	0,02
Скучающие	0,08	2,03	0,04	0,004
$F = 55,67, p < 0,001; R^2 = 0,36$				
Досуговая активность				
Активные	0,34	7,80	0,00	0,24
Семья	0,12	2,83	0,01	0,02
Нормальные	0,10	2,59	0,01	0,01
Идейные	0,10	2,39	0,02	0,01
Молодежь	0,10	2,47	0,01	0,01
Патриоты	0,10	2,30	0,02	0,004
$F = 34,28, p < 0,001; R^2 = 0,29$				
Интернет-сетевая активность				
Молодежь	0,23	5,37	0,00	0,07
Юзеры	0,14	3,21	0,00	0,03
Атеисты	0,11	2,44	0,02	0,01
Нормальные	0,10	2,41	0,02	0,01
$F = 17,33, p < 0,001; R^2 = 0,12$				

Как видно из таблицы 3, в качестве предикторов гражданской активности выступают такие категории социальной идентичности, как «патриоты», «партийные активисты», «активные», «идейные», «неформалы» (положительно), «атеисты» (отрицательно). Эти категории объясняют около 36 % дисперсии зависимой переменной – гражданской идентичности (коэффициент детерминации $R^2 = 0,36$). Протестная активность объясняется категориями социальной идентичности, характеризующими четкую политическую ориентацию: «оппозиционеры», «партийные активисты», «неформалы», «идейные» и «скучающие». Около трети приверженности к досуговой активности объясняется идентификацией с «активными», «нормальными», «идейными», «семьей», «молодежью» и «патриотами». Наконец, наименее детерминирована идентичностью интернет-сетевая активность, 12 % вариаций которой объясняется принадлежностью к группе «молодежи», к «юзерам», «атеистам» и «нормальным».

Обсуждение результатов

Анализ абсолютных показателей активности позволяет утверждать о приоритете ее досуговой и интернет-сетевой видов, в то время как протестная наименее приемлема при невысоком разбросе показателей. При этом предпочитаемая среда (реальная или виртуальная) проявлений активности находится на уровне близких, но различающихся по критерию Стьюдента показателей. Это значит, что для большинства активность в виртуальной среде является продолжением активности в физической реальности. Однако это может не быть закономерным для всех видов активности.

Изучение взаимосвязей между показателями социальной активности и жизненных ориентаций позволило установить, что приверженность к гражданской, протестной и досуговой социальной активности сопряжена с жизненной ориентацией по типу трансситуативной подвижности. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что в целом социальная активность связана со стремлением молодежи к жизненным переменам при отсутствии прямых связей со стремлением к познанию и самопознанию, субъективным контролем над жизненными ситуациями. Вместе с тем приверженность к досуговой активности сопряжена со стремлением к самореализации во внешнем мире, со стремлением к событийной насыщенности (по Коржовой, 2006), что придает определенное ощущение контроля над собственной жизнью. Иначе говоря, реализация досуговой активности предполагает удовлетворение потребности в самореализации при отсутствии желания планировать свою жизнь.

Исходя из результатов корреляционного анализа, активность в реальной среде сопряжена с рядом жизненных ориентаций: стремлением к жизненным переменам, к взаимодействию с новыми ситуациями, субъективным контролем над жизненными ситуациями, но также стремлением к самоосуществлению во внешнем мире. Иначе говоря, субъектная позиция в отношении к жизненным ситуациям сочетается с наделением внешних сил определяющей ролью в контроле над жизнью. Взаимосвязи активности в интернет-среде с жизненными ориентациями не обнаружены, что может свидетельствовать о пестроте жизненных ориентаций лиц, жизнь которых преимущественно выведена в виртуальное пространство.

Отметим также, что активность и в реальной, и в виртуальной среде включает содержательную социальную направленность. Вместе с тем активность в реальной среде связана с приверженностью к гражданской, досуговой и интернет-сетевой видам, а в виртуальной среде – с протестной, досуговой и интернет-сетевой видами. Иначе говоря, гражданская и протестная активности молодежи находятся в исключительной изоляции от той или иной среды

и реализуются в основном только в одной из них. Эти данные отчасти согласуются с ранее проведенными исследованиями (Шамяионов и др., 2020; Шаров, 2019; Klenova, 2019), в которых было показано, что протестная активность молодежи в России активно выносятся в виртуальное пространство, а гражданская активность реализуется преимущественно в реальной среде.

В результате регрессионного анализа установлено, что от 12 % до 36 % дисперсии разных форм социальной активности объясняются характеристиками социальной идентичности молодежи. Наиболее значима для различных форм социальной активности роль социальной идентичности, соответствующая для определенной группы молодых людей: приверженцы гражданской активности характеризуются высокими показателями идентификации с «патриотами», приверженцы протестной активности – с «оппозиционерами», досуговой активности – с «активными», а интернет-сетевой – с «молодежью». Важно отметить, что, несмотря на повторную встречаемость идентификационных категорий в качестве предикторов различных форм активности, разные категории при совместном введении в регрессионное уравнение образуют сочетания, объясняющие весомую долю дисперсии зависимой переменной – формы активности. Эти данные согласуются с результатами исследований (Spears, 2011), в соответствии с которыми социальная идентификация создает определенную основу для реализации активности согласно установкам, обретаемым в рамках референтных групп. Полученные данные могут свидетельствовать в пользу того, что важным условием приверженности к определенным формам социальной активности является не просто идентификация с конкретной социальной группой, а сочетание идентификаций. Кроме того, легко заметить и то, что небольшая корректировка идентификационных групп может быть связана со сменой доминирующей активности, что свидетельствует о наличии рисков даже в рамках гражданского участия.

Выводы

1. Жизненные ориентации личности и социальная идентичность являются важнейшими регуляторами поведения человека в социальном пространстве. Между тем роль различных жизненных ориентаций и идентификационных категорий в социальной активности может быть различной. Имеется диспаритет в исследованиях в пользу факторов социальной идентичности, в сравнении с факторами жизненных (субъектных) ориентаций.
2. Жизненные ориентации молодежи ограничено связаны с приверженностью к различным видам социальной активности. Наиболее тесная связь выявлена с досуговой активностью, характеризующейся приверженностью к спортивно-оздоровительной, культурно-массовой, семейно-бытовой и собственно досуговой деятельности. Гражданская и протестная активность связаны лишь с транситуативной подвижностью, характеризующей стремление человека к взаимодействию с новыми жизненными ситуациями при отсутствии прямых связей с ориентациями, характеризующими стремление к пониманию ситуации, его анализу и принятию ответственности.
3. Активность в реальной и виртуальной среде достоверно связаны с общей разнонаправленной активностью молодежи. Однако гражданская и протестная виды дифференцируются в зависимости от склонности проявлять социальную активность в определенной среде: гражданская – в реальной, а протестная – в виртуальной.
4. Социальная идентичность выступает весомым фактором социальной активности молодежи. Совокупный вклад комбинаций социальной идентичности в вариации различных

видов социальной активности составляет от 12 % до 36 %. Наиболее значимыми предикторами являются категории «патриоты» (20 % дисперсии приверженности к гражданской активности), «оппозиционеры» (23 % дисперсии приверженности к протестной активности), «активные» (24 % дисперсии приверженности к досуговой активности) и «молодежь» (7 % дисперсии приверженности к интернет-сетевой активности).

Полученные научные данные могут быть использованы при организации деятельности современной молодежи, направленной на социально-ориентированную активность, а также активность в социально-приемлемых формах с учетом ее идентификационных паттернов и жизненных ориентаций.

Ограничения исследования

Главным ограничением исследования является отсутствие данных об установках молодежи относительно различных идентификационных групп. Это позволило бы оценить их эмоциональную притягательность. Остается за пределами исследования и мотивационный компонент активности, который позволил бы выявить основные побудители конкретных видов активности. Ограничением исследования является также возможность распространения его результатов по преимуществу на молодежь российской провинции, хотя в выборке представлены лица, проживающие в селе, городе и мегаполисе.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00298).

Литература

- Акопов, Г. В. (2014). Социально-психологические последствия и факторы современной глобализации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 14(1), 39–44.
- Арендчук, И. В. (2020). Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 9(2), 148–161. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
- Бочарова, Е. Е. (2012). Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект. *Социальная психология и общество*, 4, 53–63.
- Бочарова, Е. Е. (2018). Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 7(4), 333–345. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Воловикова, М. И., Емельянова, Т. П., Журавлев, А. Л., Журавлева, Н. А., Резников, Е. Н. и Юревич, А. В. (2009). *Макропсихология современного российского общества*. Москва: Институт психологии РАН.
- Гальченко, А. С. (2019). Особенности мотивационной структуры гражданской активности подростков с разным статусом гражданской идентичности. *Вестник Мининского университета*, 7(3), 8. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-8>
- Голубева, Н. А. (2020). Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи

- в современном технологическом обществе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 1, 130–150. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-130-150>
- Грачев, А. А. (2008). Жизненные ориентации в прикладных психологических концепциях человека. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 66, 289–294.
- Дьяченко, А. Н., Коваленко, А. М., Тихоновскова, М. П. и Грибанов, Г. А. (2019). Социальная активность и гражданская идентичность российской молодежи в условиях общества потребления. *Гуманитарий Юга России*, 8(6), 188–200. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.6.12>
- Зубок, Ю. А. и Чупров, В. И. (2020). Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
- Квинн, В. Н. (2000). *Прикладная психология* (Н. Мальгина и др., пер. с англ.; 4-е междунар. изд.). Санкт-Петербург: Питер.
- Коржова, Е. Ю. (2006). *Психология жизненных ориентаций человека*. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии.
- Крайг, Г. (2000). *Психология развития*. Санкт-Петербург: Питер.
- Лебедев, А. Н. (2018). Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2, 243–251. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-243-251>
- Лебедева, Н. М. и Татарко, А. Н. (2009). *Социальный капитал: теория и психологические исследования*. Москва: РУДН.
- Леонтьев, Д. А. (2019). Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150103>
- Муращенкова, Н. В. (2013). Выраженность экстремистской и патриотической самоидентичности как типобразующие показатели гражданской идентичности молодежи. *Russian Journal of Education and Psychology*, 9. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-62>
- Нестик, Т. А. и Журавлев, А. Л. (2018). *Психология глобальных рисков*. Москва: Институт психологии РАН.
- Николаева, Э. Ф., Акопов, Г. В. и Абушик, А. С. (2021). Психологические аспекты развития инновационно-доминантной социальной активности подростков *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 10(1), 305–310. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1001-0078>
- Селезнева, А. В. и Зиненко, В. Е. (2020). Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития. *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*, 2. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1012>
- Страдзе, А. Э. (2017). *Социальная активность в российском обществе: структурно-деятельностное измерение*. Ростов-на-Дону: ЮФУ.
- Шамяионов, Р. М. (2018). Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*, 15(4), 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Шамяионов, Р. М. (2019). Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход. *Российский психологический журнал*, 16(1), 166–188. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
- Шамяионов, Р. М. (2020). Роль гражданской идентичности в предпочтениях гражданско-политических форм социальной активности российской молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 17(3), 459–472. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472>

- Шамяионов, Р. М., Григорьева, М. В., Арендачук, И. В., Бочарова, Е. Е., Усова, Н. В., Кленова, М. А., ...
Заграничный, А. И. (2020). *Психология социальной активности молодежи*. Москва: Перо.
- Шаров, А. А. (2019). Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3, 450–454.
- Юревич, А. В. (2014). *Психология социальных явлений*. Москва: Ин-т психологии РАН.
- Akkuş, B., Postmes, T., Stroebe, K., & Baray, G. (2020). Cultures of conflict: Protests, violent repression, and community values. *British Journal of Social Psychology*, 59(1), 49–65. <https://doi.org/10.1111/bjso.12328>
- Ashrafi, A., Mohseni, R.-A., & Shiri, T. (2020). Mutual-implication interaction between social identity and social system: An analytic approach to social identity formation. *Education and Self Development*, 15(4), 50–70. <https://doi.org/10.26907/esd15.4.05>
- Braun-Lewensohn, O. (2016). Sense of coherence, values, youth involvement, civic efficacy and hope: Adolescents during social protest. *Social Indicators Research*, 128, 661–673. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1049-8>
- Carr, D. (2021). Personal identity is social identity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 20, 341–351. <https://doi.org/10.1007/s11097-020-09702-1>
- Hitlin, S., & Salisbury, M. H. (2013). Living life for others and/or oneself: The social development of life orientations. *Social Science Research*, 42(6), 1622–1634. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.07.007>
- Klenova, M. (2019). Social and political activity of youth: The content and social and psychological characteristics. *SHS Web of Conferences*, 70, 06003. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197006003>
- Korostelina, K. V. (2007). Social identity as social phenomenon and scientific concept. In *Social Identity and Conflict*. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230605671_2
- Kruczek, A., & Janicka, M. (2019). Being or having? – Young adults life orientations and their satisfaction with life. *Psychiatria i Psychologia Kliniczna*, 19(2), 158–164. <https://doi.org/10.15557/PiPK.2019.0016>
- Osborne, D., Jost, J. T., Becker, J. C., Badaan, V., & Sibley, C. G. (2019). Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 49(2), 244–269. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2522>
- Parsons, T., & Shils, E. A. (1962). *Toward a general theory of action*. New York: Harper & Row.
- Shepherd, H., & Lane, J. (2019). In the mix: Social integration and social media adoption. *Social Science Research*, 82, 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.02.004>
- Spears, R. (2011). Group identities: The social identity perspective. In S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles (Eds.), *Handbook of identity theory and research* (pp. 201–224). New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_9
- Stornaiuolo, A. (2017). Contexts of digital socialization: Studying adolescents' interactions on social network sites. *Human Development*, 60(5), 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>
- Stornaiuolo, A., & Thomas, E. E. (2017). Disrupting educational inequalities through youth digital activism. *Review of Research in Education*, 41(1), 337–357. <https://doi.org/10.3102/0091732X16687973>
- Stradze, A. E., Kasyanov, V. V., Kumykov, A. M., & Kirik, V. A. (2016). Structural activity aspect of social activity in Russian society. *Indian Journal of Science and Technology*, 9(5), 1–7. <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i5/87625>
- Szafraniec, K. (2019). Challenges and life orientations of youth. The context of transition countries. *Sociologija*, 61(2), 186–209. <https://doi.org/10.2298/SOC1902186S>

Yusof, N., Kaur, A., Dalib, S., Ramli, R., & Awang-Hashim, R. (2021). Group identity and extremism: The reflective experiences of youths regarding persuasive communication. *Children and Youth Services Review*, 120. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105743>

Дата получения рукописи: 02.09.2021

Дата окончания рецензирования: 15.10.2021

Дата принятия к публикации: 26.12.2021

Информация об авторах

Раиль Мунирович Шамяионов – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; Scopus Author ID: 56528356700, ResearcherID: C-2869-2013, SPIN-код: 9529-8906; e-mail: shamionov@mail.ru

Елена Евгеньевна Бочарова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; ResearcherID: D-8562-2013, SPIN-код: 8715-9400; e-mail: bocharova-e@mail.ru

Егор Владимирович Невский – лаборант-исследователь кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: nevskye00@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Раиль Мунирович Шамяионов – планирование и руководство исследованием, организация эмпирического исследования, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, подготовка и редактирование рукописи.

Елена Евгеньевна Бочарова – работа с источниками, написание обзорной части статьи, подготовка и редактирование рукописи.

Егор Владимирович Невский – сбор эмпирического материала, обработка данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.